

УДК 130.2
doi:10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).13
5.7.8

Семиотическое метатеоретизирование: «идеальное – реальное» – тема «диалога» Ю. Лотмана и Э. Ильенкова

Елена Николаевна Шатова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Пушкин, Россия, komasda@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6859-5424>

Аннотация. Автор статьи занимается метатеоретическим построением на основе семиотики культуры Ю. М. Лотмана, желая осуществить необходимый шаг «теория → метод», востребованный развитием современной отечественной культурфилософии. Материал обосновывает возможность «скрещивания» семиотики культуры Ю. М. Лотмана и диалектики «идеального» Э. В. Ильенкова, без чего затруднительно категориальное метатеоретизирование в отношении инвариантных моделей семиозиса текста культуры – «идеальное построение» и «реальный текст». В статье выявлен методолого-семиотический вариант семантизации отношения «идеальное построение – реальный текст» в семиотике культуры Лотмана, в соответствии с которым «идеальная модель» сокрыта в «конкретном тексте». Результатами метатеоретизирования признаны следующие положения: а) интерпретация отношения «идеальное построение – реальный текст», обозначенного в семиотике культуры Лотмана, возможна в контексте анализа онтологии культуры, философской эпистемологии; б) теория диалектики Ильенкова по причине обнаружения общих существенных характеристик с семиотикой Лотмана (переплетение проблем диалектики и культуры) выступает философской традицией, наделенной потенциалом допустимой и обоснованной результативной экстраполяции в пространство отечественной культурфилософии, ее семиотического подхода.

Ключевые слова: философия культуры, семиотика культуры, Ю. М. Лотман, Э. В. Ильенков, «идеальное построение», «реальный текст», диалектический подход

Для цитирования: Шатова Е. Н. Семиотическое метатеоретизирование: «идеальное – реальное» – тема «диалога» Ю. Лотмана и Э. Ильенкова // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 3 (42). С. 142–153. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).13.

Semiotic Metatheorizing: “Ideal-Real” as a Theme of a “Dialogue” between Yuri Lotman and Evald Ilyenkov

Elena N. Shatova

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Pushkin, Russia,
komasda@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6859-5424>

Abstract. The author is engaged in metatheoretical research on the basis of Yuri Lotman’s semiotics of culture, with the aim of achieving the necessary step “theory → method” required by the development of contemporary Russian philosophy of culture. The paper provides evidence for the possibility of “cross-linking” Yuri Lotman’s semiotics of culture and Evald Ilyenkov’s dialectics of the “ideal”. Without this, categorical metatheorizing in relation to invariant models of the semiotics of cultural text, such as “ideal construction” and “real text”, would be difficult.

The article reveals a methodological-semiotic variant of the semantization of the relation “ideal construction - real text” in Lotman’s semiotics of culture, according to which the “ideal model” is hidden in a “concrete text”. The author has reached a number of conclusions: 1) In the context of the analysis of cultural ontology and philosophical epistemology, the interpretation of the relationship “ideal construction - real text” indicated in Lotman’s semiotics of culture is possible; 2) Ilyenkov’s dialectics theory due to the discovery of common essential characteristics with Lotman’s semiotics (interweaving of dialectics and cultural problems) represents a philosophical tradition that has the potential of a valid and justified productive extrapolation into the space of Russian philosophy of culture.

Keywords: philosophy of culture, semiotics of culture, Yuri Lotman, Evald Ilyenkov, “ideal construction”, “real text”, dialectical approach

Отправная точка предлагаемого рассуждения – анализ небольшого фрагмента статьи Ю. М. Лотмана, написанной в 1971 г., – «Еще раз о понятиях “слава” и “честь” в текстах Киевского периода». Год публикации статьи, если соотнести его с жизнью таргуской семиотики, ознаменован выходом пятого тома «Трудов по знаковым системам» – «печатной трибуны школы», отмеченного (наряду с первым томом) «самыми высокими показателями» – авторский коллектив, объем издания, что, очевидно, свидетельствует о «пиковой точке» в развитии институции [Шатова. Семиотика как методология ... 2022, с. 93]. Данное формальное основание (внешняя критика статьи) важно, так как может показаться, что публикация Лотмана демонстрирует некоторое «уклонение» от теоретических проблем семиотики культуры в сторону истории отечественной культуры, литературы, литературоведения. Подобная «версия» в восприятии статьи вызвана расположением ее места в трехтомном издании сочинений Лотмана (1992–1993): исследователь обнаруживает текст в третьем томе собрания, проблемное поле которого определено редакционной коллегией как «Статьи по истории русской литературы. Теория и история других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки», в то время как соответствующее пространство первого тома сборника значительно шире, фундаментальнее – «Статьи по семиотике и типологии культуры». Не оспаривая подобного редакционного решения, отметим, что во многих материалах третьего и даже второго томов издания («Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века») внимательный исследователь обнаружит тексты, их фрагменты, анализ которых выводит на теоретические положения и практические построения, достойные быть экстраполированными и в границы исследования всей системы культуры, и в сферу методологических поисков современной гуманитаристики. Названный выше лотмановский текст, бесспорно, относится именно к таковым. О каком его фрагменте, привлечем наше внимание, идет речь? Он краток, поэтому приведем его практически полностью. Лотман пишет: «*Реальные* тексты редко манифестируют теоретические модели в “чистом” виде: как правило, мы имеем дело с динамическими, переходными, текучими формами, которые не полностью реализуют эти *идеальные* построения, а лишь в какой-то мере ими организуются. Подобные модели располагаются по отношению к текстам на другом уровне...» [Лотман 1993, т. 3, с. 121].

В приведенной цитате курсивом снабжены две позиции – «реальный» и «идеальный», их выделение произведено нами. Казалось бы, в силу того, что каждая позиция – предикат субъекта – «реальный текст», «идеальное построение», необходимо было снабдить курсивом синтагмы целиком, и это было бы правильно. Но именно решение, оставленное в итоге, позволяет обратить внимание читателей-исследователей на субстанциональность выделенных позиций – РЕАЛЬНОЕ и ИДЕАЛЬНОЕ, – что направляет интерпретационный взгляд к категориальному пространству культуры, его анализу, в результате ученый оказывается в границах и эпистемологии культуры, и ее онтологии. Именно эту экстраполяцию мы и желали осуществить, избирая допустимый и обоснованный вариант курсивного выделения в анализируемом тексте.

Лотман «беседует» с читателем, желающим обнаружить в тексте статьи некоторое руководство к действию, формулирует два исходных положения, второе явно предостерегающего свойства. *Первое.* Культура моделируется в текстах (каждый мы называем «текстом культуры»), в их многочисленности и многообразии выделим два – «реальный текст» (его можно именовать и конкретным текстом) и «идеальное построение» – «теоретическая модель в “чистом” виде». *Второе.* Выделенные феномены – тексты культуры – недопустимо отождествлять, ибо они разноуровневны (см. конец цитаты).

Допущенный курсив в приведенной выше цитате из статьи Лотмана фиксирует категориальный статус отношения «реальный текст – идеальное построение» как частный случай эпистемологической (с позиции исследователя), онтологической (с позиции культуры как объекта изучения) пары категориального свойства «РЕЛЬНОЕ/ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ – ИДЕАЛЬНОЕ». Статья обосновывает возможность «скрещивания» семиотики культуры Лотмана и диалектики «идеального» Ильенкова, что позволяет осуществить категориальное диалектико-семиотическое метатеоретизирование.

Сформулируем задачи статьи, их будет две – необходимо: во-первых, выделить и проанализировать контекст проблематизации отношения «идеальное построение – реальный текст» в семиотике культуры Лотмана; во-вторых, обосновать возможности «сближения» с целью дальнейшего развития отечественных традиций семиотики культуры (Лотман) и материалистической диалектики (вторая половина XX в., Ильенков). Приступаем к решению задач.

Условием дальнейшей характеристики отношения «идеальное построение – реальный текст» видим выявление и анализ лотмановских вариантов семантизации «идеального», для чего потребуются выйти за рамки упомянутой статьи и охватить исследовательским взглядом корпус сочинений ученого, репрезентирующих все его научное творчество. Таких вариантов обнаружено три, последовательность их представления определена диалектикой семантики «идеального»: общеметодологическая → теоретико-лингвистическая → методолого-семиотическая модели.

Первый вариант, общеметодологический. «Идеальное» – результат сознательно допущенной *абсолютизации* как операции мышления, направленной на создание самодостаточных абстракций, в которых несущественное устраняется. Оперируя в процессе познания абстракциями, необходимо иметь в виду условность их предикатов, где-то субъективность. Здесь вспоминается предостережение Р. Карнапа об использовании в модели несемантического употребления семантических структур – «абсолютных терминов», «переносимых из семантики на внеязыковые объекты», уберігающее от допущения мысли о том, что за абстракциями «таится какой-то метафизический абсолютизм» [Карнап 1959, с. 59].

В статье «*Динамическая модель семиотической системы*» (1974) Лотман по отношению к двум указанным в названии типам семиотических феноменов, «ориентированных на передачу примарной и вторичной информации», заключает: «Противопоставляя два типа семиотических систем, следует избегать абсолютизации данной антитезы. Речь скорее должна идти о двух идеальных полюсах, находящихся в сложных отношениях взаимодействия» [Лотман 1992, т. 1, с. 101].

В подобном смысле ученый говорит о многих семиотических явлениях: «идеальном человеке» бесписьменной культуры со свойственными ему умениями [Лотман 1992, т. 1, с. 104], «идеальных условиях для непрерывности культурной традиции» («*Несколько мыслей о типологии культур*», 1987) [Там же, с. 109], «идеальных моделях» «всякой реальной коммуникации» [Там же, с. 115], «идеальном, а не реальном Западе» («*К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект)*», 1983) [Там же, с. 117] и др.

Подчеркнем: абсолютизация в анализе отношения допускается для нахождения качественных отличий обоих объектов в процессе их сравнения. В итоге осуществления этой операции в роли искомым абстракций должны выступить оба элемента сравнения.

В отношении «идеальная модель – реальный текст» это правило не соблюдено, поэтому идти по данному семантическому варианту трактовки «идеального» проблематично.

Второй вариант, теоретико-лингвистический. Идеальное – «возможное», «потенциальное», *нематериальное*. Подобное отношение оговорено Лотманом, оно известно ему. Так, анализируя исследовательские мнения по вопросу отношения языка и текста, ученый обращается к положениям коллег-лингвистов, в которых фиксирует пары «потенциальная возможность – динамическая реализация» (М. А. К. Хэллидей), «идеальная структура – материально воплощенная конструкция» (П. Хартман и З. Шмидт) (*Текст в тексте*), 1981) [Лотман 1992, т. 1, с. 148]. Интересно, что сам Лотман не пользуется этими парами. В той же статье мы вновь встречаем вариант «идеального» как результата допущенной абсолютизации: «идеальный предельный механизм» для «адекватной передачи значений и порождения новых смыслов», «идеальный образец» «текста промежуточного звена – текста-кода» [Там же, с. 150] и др.

Если мы полагаем искомую нами «идеальную модель» культуры как элемент, противостоящий материальному, вещественному, то возникает явление ее сокрытости, эта модель находится вне текста, вне не данного, конкретного текста, а вне текста как семиотического феномена. Зачем и как отличать конкретный, реальный текст от идеальной, теоретической модели в условиях, когда последняя ускользает от нас, практически недоступна, ибо культура вне текста немислима.

Третий вариант, методолого-семиотический. Идеальное – результат *реконструкции*. Данный вариант нами обозначен как «методолого-семиотический» по той причине, что Лотман зачастую переносил лингвистические практики в область семиотики культуры, тем самым формируя методологию подхода. Так, использование сравнительно-исторического метода с целью воссоздания дописьменного, утраченного он практиковал применительно к языку, тексту в семиотическом их прочтении, т. е. – к любому тексту культуры. Идеальное здесь выступает как результат исследовательской реконструкции: «... текст содержит в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи, и, подобно тому как мы извлекаем из него позицию автора, мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя» (*Текст и структура аудитории*), 1977) [Лотман 1992, т. 1, с. 163]. Добавим: объектом реконструкции текста культуры может стать любая его структура/детерминатив, актуализируемая исследовательским целеполаганием. Подход Лотмана к языку, тексту культуры сопоставим с методом Г. Фреге, вышедшего, по заключению Р. Карнапа, за грани «точной реконструкции естественного языка», осуществившего «шаг к построению новой языковой системы, которая технически должна быть совершеннее естественного языка» [Карнап 1959, с. 214]. Обоснование возможности/необходимости реконструкции любого семиотического феномена (языка, текста культуры) – шаг, уже осуществленный Лотманом. Сегодня важно осознать актуальность поиска решения следующей исследовательской задачи эпистемологического свойства, в формулировании которой нам вновь «помогает» Карнап: имея дело с «миром вещей», воспринимая их как тексты культуры, «можно рационально реконструировать и сформулировать явные правила оценки», ибо последние зачастую выносятся «скорее по привычке, чем как обдуманная рациональная процедура» [Там же, с. 301]. В формулировке Карнапа сегодня следует переосмыслить саму модальность утверждения («возможно/можно» → «необходимо»).

Итак, в границах методолого-семиотического варианта семантизации искомой категории «идеальная модель» сокрыта в «конкретном тексте», и тогда возвращаемся к фрагменту лотмановской статьи – отправной точки предпринимаемого рассуждения. Действительно, можно говорить об «уровнях» репрезентации культуры: первый – *поверхностный, фрагментарный* («реальный текст»), второй – *глубинный, стремящийся к целостности представления культуры* («идеальное построение») – теоретическая модель культуры).

Реконструированный взгляд Лотмана на «идеальное» как структуру «реального» текста, полагаем, перекликается с подходом к «идеальному» Э. В. Ильенкова. У нас нет

свидетельств действительного «диалога» ученых, единственным пунктом-«перекрестком» их творческих биографий возможно представить участие в написании статей пятитомной «Философской энциклопедии» (1960–1970), которые «выходили не из-под пера признанных философских идеологов, а либо новых авторов, принадлежавших к неофициальному сообществу, либо тех представителей старшего и среднего поколений, которые ранее были объектами идеологических проработок и подозрений» [Мотрошилова 2012, с. 35]. Именно в данном издании увидели свет статьи Ильенкова «Идеальное», «Единичное», «Идеал», «Количество», «Действительность», которые Н. В. Мотрошилова относит к «самым значительным» его текстам. В пятом томе энциклопедии помещена и статья Лотмана «Условность в искусстве», написанная в соавторстве с Б. А. Успенским. В пользу возможности сближения научных поисков Лотмана и Ильенкова говорит и включение текстов обоих ученых как «ключевых фигур» современной отечественной философии в многотомную серию «Философия России второй половины XX века» (21 том), свидетельствующей «о единстве отечественной интеллектуальной традиции» [Пирожкова 2018, с. 1040].

Обосновав возможность «формального» сближения Лотмана и Ильенкова, подчеркнем принципиальную близость их научных поисков, которую можно зафиксировать, по меньшей мере, в двух положениях. *Первое* – приверженность диалектическому пониманию истории, культуры, познания. В отношении Ильенкова данное утверждение выглядит аксиомой, достаточно даже бегло посмотреть на важнейшие его тексты, включая и диссертационные исследования («*Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса “К критике политической экономии”*», 1953; «*Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” К. Маркса*», 1960; «*К вопросу о природе мышления (на материалах анализа немецкой классической диалектики)*», 1968; «*Диалектика идеального*», 1976 и др.). Ильенков и сегодня – «главная звезда периода “оттепели”» – времени «освобождения от сталинского дурмана в жизни и идеологии, десталинизации режима и сознания, не порывавшей при этом с социализмом и марксизмом, а, наоборот, ставившей своей задачей прорваться к их подлинному смыслу и содержанию» [Межуев 2013, с. 76].

Диалектический характер научных исканий Лотмана не столь очевиден, тем не менее он не вызывает сомнения, опора на данную философскую традицию стала фундаментом и тартуской семиотики в целом. Приведем лишь несколько аргументов (их ряд может быть существенно расширен), разделив их на две группы – теоретико-методологические и институциональные. Аргументы *первой* группы, *теоретико-методологические*, видятся более сильными, ибо они извлечены из научных текстов Лотмана, посвященных анализу литературоведческих, историко-культурных, семиотико-культурных проблем. Основатель тартуской семиотики, ставя различные исследовательские задачи, меняя предмет анализа, неминуемо находит диалектическое отношение. Научный подход Лотмана характеризуется необходимой интерпретацией культуры, феномена, языка, текста культуры как диалектического отношения, являющего себя чрезвычайно многолико. «Сложная диалектика» – «противопоставление внешнего и внутреннего миров» отличает гражданскую лирику Карамзина («*Поэзия Карамзина*», 1966) [Лотман 1992, т. 2, с. 182]; «сложное диалектическое переплетение закономерного и случайного» необходимо видеть и «при анализе структуры поведения людей той или иной исторической эпохи» («*Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)*», 1975) [Лотман 1992, т. 1, с. 297]; «диалектически противоречивым» признается процесс общения культур, требующий «интериоризировать ее образ (*другой культуры*. – Е. Ш.) внутрь своего мира» [Там же, с. 117]; «диалектически связанными и взаимопереходящими сторонами единого процесса» является «имманентное развитие личностей или культур» («*К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект)*», 1983) [Там же, с. 118]; «сложная диалектика условного и безусловного» обнаруживается и в «семиотической оси пространства Данте» («*Заметки о художественном пространстве*», 1986) [Там же, с. 452] и др. Лирика

Карамзина, структура поведения людей, общение культур, развитие человека и культуры, творчество Данте и др. – можно сказать, все является сложным, по своей природе противоречивым, диалектическим отношением. Мы не случайно расположили приведенные примеры в хронологической последовательности лотмановских статей, написанных на протяжении всего научного творчества, что само по себе свидетельствует о стойкости обозначенной философской установки.

Вторая группа аргументов – *институциональных*, каковыми мы полагаем свидетельства редакционных статей, написанных Лотманом («Труды по знаковым системам»), раскрывающих стратегию становления и развития тартуской семиотики. Обратим внимание на статьи «От редакции» и «Введение» первого тома «Ученых записок Тартуского университета», который засвидетельствовал институциональное оформление школы. Лотман видит в «проникновении диалектики в методологию науки» важнейшую черту научной жизни середины XX века: «диалектика из области исследовательских деклараций... переходит в научную практику, становясь инструментом исследования» [Лотман 1964, с. 3–4]. Более того, «структуральный подход к явлениям духовной жизни», вклад в становление которого собиралась внести зарождающаяся научная школа, также был призван стать «глубоко диалектическим» [Там же, с. 9]. Справедливости ради отметим, что со временем в «Трудах по знаковым системам», которые свидетельствуют не только о «научных истоках школы» [Шатова. «Труды по знаковым системам» ... 2022, с. 151], но и о кризисе и «закате» институции, практически исчезли и редакционные статьи, и необходимая опора на диалектические основания исследования. Возможно, именно это выступило одной из причин «схода со сцены» семиотики культуры тартуской школы как площадки исследования культуры в границах диалектических категорий – «интерпретации культуры как “единого”» [Шатова. Семиотика как методология ... 2022, с. 111].

Второе – постановка и интерпретация проблем культуры. Данное положение уже в отношении Лотмана становится аксиоматичным. Очевидно, что обращение к текстам философа с целью обретения аргументов в пользу тезиса о том, что он неуклонно и всесторонне исследовал культуру, излишне не только в границах научных штудий, но и в широкой среде образованного современного сообщества. Подчеркнем лишь три обстоятельства. *Первое*. Автор статьи осуществляет метатеоретические построения на основе анализа и развития идей Лотмана с целью разработки семиотической методологии исследования любого культурного артефакта (текста культуры) – осуществления необходимого шага «теория → метод». Центрирование проблем культуры и в научном творчестве Лотмана, и в исследованиях всей институции – необходимое условие, делающее обозначенное метатеоретизирование возможным. *Второе*. Тартуская школа являлась не просто научным сообществом, сложившимся на основе семиотических идей, она выступила как «культурно-семиотический феномен не только в аспекте программных замыслов... но также в формах и результатах их реализации» [Шатова. «Труды по знаковым системам» ... 2022, с. 148]. Произшедшая со временем утрата «культуры» как центральной категории научных штудий в границах школы – утрата «аксиоматичного видения культуры как “единого”» [Шатова. Семиотика как методология ... 2022, с. 109] – и причина, и свидетельство «заката» оригинальной традиции отечественной семиотики культуры. *Третье*. Окружение Лотманом семиотическими интерпретациями именно культуры сегодня выступает стойкой исследовательской традицией интерпретации его научных поисков. Приведем лишь пару свидетельств современных отечественных семиотиков. Лотман признается ученым, «впервые» в отечественной науке применившим «семиотический подход к изучению русской культуры...» [Демин 2018, с. 20], «исследователем художественных текстов и культуры в целом» и др. [Фаритов 2018, с. 10].

Что можно сказать о проблематизации культуры в творчестве Ильенкова?

В обосновании возможности сопоставления поисков Лотмана и Ильенкова (по формальному признаку) внимание обращено к монографии Н. В. Мотрошиловой «Отече-

ственная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль» (2012), признанного специалиста в области истории как западной, так и отечественной философии, включая советский и постсоветский периоды ее развития. Один из интересных ракурсов исследования ученого – анализ состояния отечественной философии 60-х гг. XX в. на основе изучения уже упомянутой выше пятитомной «Философской энциклопедии» (1960–1970), к статьям которой и сегодня обращаются многие ученые. Желая создать «портрет» Ильенкова, выявляя центральные темы его философии, для начала обратимся к традиционному, признанному облику мыслителя, созданному данной группой источников. В современных философских справочных изданиях ученый представляется как «специалист по теории диалектики, истории философии, психологии, педагогике» [Грицанов 1999, с. 260]; «философ и публицист» [Голованов 2001, с. 202]; «специалист по... методологии наук о человеке (курсив мой. – Е. Ш.)» [Лекторский 2001, с. 95]. Введение в область философствования Ильенкова «методологии наук о человеке», в ряду которых, безусловно, отведено место и философии культуры, с одной стороны, чрезвычайно важно в контексте настоящего рассуждения, с другой – ожидаемо и ценно, информативно, ибо осуществлено оно В. А. Лекторским, ученым, также выступившим автором многих диалектических статей пятитомного энциклопедического издания («Субъект», «Субъективное», «Теория познания»), одним из активных участников «школы гносеологии, диалектики, истории философии», которая в 60–70-х гг. XX в. «сложилась вокруг Э. Ильенкова» [Мотрошилова 2012, с. 47]. По свидетельству Лекторского, работы Ильенкова (и А. А. Зиновьева) «означали... задание новой проблематики, новых способов работы в философии» [Лекторский 1999]. Обращение к проблемам культуры сквозь призму многих иных философских проблем, на наш взгляд, было одной из траекторий движения Ильенкова в формировании этой «новой проблематики». Далее последует «пунктирное», «наметочное» начертание пути мысли ученого в сторону философской проблематизации культуры, предшествует ему еще одно показательное мнение ученого, высказанное практически сегодня: «Проблемы диалектики и логики человеческого мышления; идеального как общественно определенной формы жизнедеятельности человека, его активности; вопросы социализации как процесса становления личности через индивидуальное усвоение культуры, созданной предшествующими поколениями, – все выше обозначенное и многое другое – слагаемое ильенковской философии культуры (курсив мой. – Е. Ш.), ядро которой – концепция культурно-исторического развития человека» [Итунина 2021, с. 36].

Вектором дальнейшего рассуждения о движении Ильенкова к собственной, оригинальной философии культуры изберем вышеупомянутое «многое другое», а именно анализ *истории диалектической мысли*, важнейшими вехами которой предстают философские системы Платона и Г. В. Ф. Гегеля. В аргументации выдвинутого тезиса обратим внимание на идеалистические философские построения, так как именно в ракурсе их критики Ильенков строил собственное диалектическое учение, во многом развивая идеи Маркса.

Вокруг Платона. В интерпретациях философии античного классика, выдвинутых Ильенковым, ведущих к проблематизации культуры, обозначим четыре аспекта. *Первый аспект* – трактовка природы культуры. Отечественный ученый обнаруживает пространство культуры в платоновской системе, подвергая расширительному толкованию его «государство», в результате которого допускает фактическое отождествление государства и культуры: «Под государством Платон понимал отнюдь не только правовую или политическую структуру, но всю систему общих форм культуры...» [Ильенков 1962, т. 2, с. 220]. Еще одна «теоретико-культурная» грань античного понимания культуры, подмеченная Ильенковым, – ее сверхприродность, логически выводимая из внеприродного статуса государства: «Как таковое государство, по Платону, противостоит индивиду в качестве особой сверхприродной действительности» [Там же]. И, наконец, третья грань осмысления культуры Платоном в прочтении Ильенкова – ее неоднородность/структурность и системность: «...вся система общих форм культуры, непосред-

ственно определяющих поведение отдельного лица, его волю и сознание, включая грамматические нормы языка, правила ремесла и искусства, религиозные ритуалы и т. д.» [Ильенков 1962, т. 2, с. 220].

Второй аспект – осмысление природы человека. Данному дискурсивному пространству также зададим некоторую структурность – «границы» понимания аспекта проблематизации культуры Платоном – таковых обозначим две, каждая отмечена относительностью. Первая – «человек ↔ животное» фиксирует качественное отличие одного организма от другого как следствие необходимого воздействия государства/культуры: «Человеческая жизнедеятельность, – констатирует Платон, – управляется непосредственно не законами природы, а законами государства. В этом заключается отличие человека от животного» [Ильенков 1962, т. 2, с. 220]. Вторая – «индивид/личность ← общество» обнаруживает близость теоретического взгляда Ильенкова на проблему личности человека (кратко этот взгляд будет оговорен далее). Платон, пишет отечественный ученый, «...стал понимать под человеком не единичное тело, а личность, сформированную государством, т. е. человека, усвоившего общие нормы культуры и повинующегося им. Индивид стал рассматриваться прежде всего как единичное воплощение государства, или же как государство, воплощенное в индивиде как в своем полномочном представителе» [Там же]. Ильенков критикует подобный взгляд на человека, по меньшей мере, по двум пунктам. Во-первых, государство/культура/общество – воздействующий «субъект», отмеченный «безликостью», другими словами, имеется в виду абстрактное государство, представляющее собой потенциал отношений, во многие из которых конкретный человек на протяжении своей жизни может быть так и не включен. Во-вторых, платоновский индивид выступает «лишь как его (государства. – *Е. Ш.*) орудие», он лишен какой-либо воли, активности, можно сказать он, подобно государству, представляет собой некую абстракцию, чистую модель.

Отметим: проблема личности – одна из важнейших не только в теоретических размышлениях Ильенкова, поиск ее решения ученый осуществлял и в практической психолого-педагогической деятельности (например, Загорский эксперимент, начатый А. И. Мещеряковым). Направления критики взгляда Платона на природу человека «подсказывают» ответ на данный вопрос отечественного философа, для которого человек/личность – «явление социальной природы, социального происхождения», но при этом необходимо помнить о том, что речь идет не об «обществе вообще»; личность, «данная», конкретная – «есть *единичное* (курсив везде мой. – *Е. Ш.*) выражение той по необходимости ограниченной совокупности этих (социальных. – *Е. Ш.*) отношений (*не всех*), которыми она *непосредственно* связана с другими (с некоторыми, а не со всеми) индивидами» [Ильенков 2023].

Третий аспект – реконструкция «мира» Платона, критика подобного мироустройства. В процессе анализа диалектической природы «идеального» Ильенков моделирует, а затем подвергает критике мир Платона. Выделим ключевые звенья каждой модели мироустройства Платона и Ильенкова, что позволит нам подвергнуть их сравнению, а впоследствии вывести на первый план оттенки понимания культуры, ее места в «мире», отечественным философом. Конструкция «мира» Платона такова: 1) ИДЕИ («всеобщие нормы культуры», «прообразы», «активные образцы») → 2) ЧЕЛОВЕК («сознательная воля отдельного лица») → 3) ГОСУДАРСТВО/КУЛЬТУРА («порядок вещей внутри человеческого мира») [Ильенков 1962, т. 2, с. 220]. По мнению Ильенкова, платоновская модель, где активна лишь идея («творческая мощь идеальных прообразов»), в отношении которой все иное – «пассивная бесформенная глина», «чистая возможность», – модель-«мистификация». Обнаружив «ошибку» Платона в интерпретации человека как структуры мира, «пассивно созерцающей идею», а следовательно, в сведении мира культуры к «общим образцам, зафиксированным в речи и в формах пространственного воображения», Ильенков конструирует собственную модель мироустройства: 1) ПРИРОДА → 2) ОБЩЕСТВО (общественный человек/личность) → АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ («практически-предметное преобразование природы») → КУЛЬТУРА («общие

образы откристиаллизовываются в составе духовной культуры совершенно непреднамеренно и независимо от воли и сознания отдельных людей, хотя и посредством их деятельности») [Ильенков 1962, т. 2, с. 220].

Четвертый аспект – эпистемологические истоки диалектики идеального и реального/действительного в мироустройстве Платона. Как отмечает Ильенков, исток платоновского прочтения отношения «идеальное – действительное» – взгляд на отношение «знание – человек», где последний рассматривается не как «отдельный» – «единичное тело», а как «личность, сформированная государством (культурой. – *Е. Ш.*), т. е. человек, усвоивший общие нормы культуры и повинующийся им». Трактовка «идеального» в соотношении с иными диалектическими категориями – «проблема идеальной вещи», с которой, по мнению Ильенкова, «смог справиться только материализм диалектический», пожалуй, важнейшая грань философии Ильенкова. Анализ предложенного ученым решения – цель отдельного статейного рассуждения; напомним: здесь мы только обосновываем возможность взаимопроникновения диалектики Ильенкова и семиотики культуры Лотмана. Тем не менее окончательный ответ Ильенкова сопоставим с взглядом Платона. Античный классик, утверждает отечественный ученый, порывает с полаганием знания как «внутреннего состояния отдельного человека»: знание (ИДЕАЛЬНОЕ) – «непосредственно-общественные нормы и формы человеческой культуры, индивидуализированные в отдельном человеке» – противопоставлено им «миру единичных чувственно воспринимаемых тел, к которому принадлежит и единичное тело самого человека» – (РЕАЛЬНОЕ) [Ильенков 1962, т. 2, с. 220]. Формула, выведенная Ильенковым, совершенно иная: во-первых, ИДЕАЛЬНОМУ подобраны два «вместилища» – «формы деятельности» (РЕАЛЬНОЕ) того единичного человека, которому было отказано в знании, и «формы вещи» (РЕАЛЬНОЕ) – результат данной деятельности; во-вторых, эти модели РЕАЛЬНОГО – «формы деятельности» и «формы вещи», как способ существования ИДЕАЛЬНОГО, необходимо состоят в «диалектически противоречивом их взаимопревращении» [Ильенков 2009, с. 62]. Сосредоточение/сокрытость в РЕАЛЬНОМ в различных формах, скажем семиотическим языком, в текстах культуры, наделенных различными кодами, – форма существования ИДЕАЛЬНОГО.

Вокруг Гегеля. Идеи немецкой философской классики, с одной стороны, переход к исследованию проблем культуры, с другой – одна из траекторий пути Ильенкова, интересующая нас далее. На этом пути выделим четыре пункта. *Первый* – систематический, всеобъемлющий, универсальный характер диалектической теории Гегеля выводит ее автора и мыслителя, знакомого с ней, на постановку практически любого вопроса, в том числе и проблемы культуры. Мироздание/человечество видится философом как «выявление творческой силы “мирового разума”», и поскольку последний и весь мир существуют в «развертывании», то, следовательно, важнейший вопрос понимания мира – это его развитие. Гегель, считает Ильенков, внес существенный вклад в укрепление и диалектическое решение данного вопроса, «выделяясь обостренным вниманием к истории человеческой духовной культуры». Этот вклад измеряется утверждением, во-первых, о закономерном, во-вторых, о стадийном характере процесса: «... закономерные сменяющие друг друга ступени развития духа и эпохи развития человечества» [Ильенков 1971, т. 6, с. 176]. *Второй.* Выявленная онтологическая природа – существование мира в имманентном развитии/развертывании – проявляется и в границах «духовной культуры человечества», также отмеченной закономерностью и стадийностью изменений. Ильенков формулирует «схему Гегеля» – функционирование духовной культуры как пространства воплощения безличного мирового, объективного духа: «“дух” просыпается в человеке к самосознанию сначала в виде слова, речи, языка. Орудия труда, материальная культура, цивилизация предстают как позднейшие, производные формы воплощения той же творческой силы духа (мышления), “понятия”» [Там же]. Параллельно отметим практически аксиоматичное признание и Гегелем, и Ильенковым, сформулируем современным культурфилософским языком, структурности системы культуры, со-субъектности (у Гегеля)/ субъектности (у Ильенкова) чело-

века в отношении культуры, артефактной репрезентации культуры – дух воплощается в образах культуры. *Третий.* Ильенков отмечает внимание Гегеля к современности, его «критическое переосмысление всех сфер современной ему культуры» – констатация кризисного ее развития – магистральная линия европейской философии культуры, одним из истоков которой необходимо признать постановку этого вопроса немецкой классической философией. Интересно, что отечественный ученый рассматривает взлет гегелевской критической мысли в отношении современной ему культуры как реализованную возможность, открытую «созданным им диалектическим методом» [Ильенков 1971, т. 6, с. 176]. *Четвертый.* Подобно анализу системы Платона, и здесь Ильенков видит проблемное поле отношения «идеального» и «реального». Данные ипостаси он обнаруживает в изложении Гегелем «постепенного выявления творческой силы “мирового разума”» как закономерного развития духовной культуры человечества, точкой отсчета которого является «безличный (мировой, объективный) дух» (ИДЕАЛЬНОЕ), точка стремления/развертывания – «образы культуры» (РЕАЛЬНОЕ), в которых дух и «воплощается», и «познает себя как творца».

В статье «Идеальное» (1962) привлекает к себе внимание рассуждение Ильенкова, в котором он выносит общую оценку идеалистической диалектики и Платона, и Гегеля, отмеченных печатью «“отчуждения” продукта деятельности и самих форм деятельности человека», что необходимо вписывается в категориальный вопрос отношения «идеального» и «реального», ответ на который нами иском. Позиция Ильенкова в этом вопросе уже сформулирована выше (см. финал фрагмента «Вокруг Платона»), ученый готов оппонировать любому идеалистическому учению, в котором, вне зависимости от того, как осмысливается «сверхиндивидуальный субъект (бог, абсолютный дух, трансцендентальное «Я», мировой разум и т. д.)», «реальное» и «идеальное» противостоят друг другу [Ильенков 1962, т. 2, с. 219].

Итак, осуществленный экскурс в область критических оценок Ильенковым идеалистических систем диалектики (Платон, Гегель) очевидно свидетельствует о том, что ученый, рассуждая об онтологических, эпистемологических проблемах (они неизменно переплетены в любом учении), поднимаемых на различных этапах развития интеллектуальной, философской культуры, неминуемо приходил и к решению тех задач, которые сегодня традиционно признаются теоретико-методологическими в границах отечественной культурфилософии в целом и семиотики культуры в частности. Внимание к вопросам теории диалектики – красная линия научных штудий Ильенкова, одной из траекторий которой необходимо признать проблему выявления природы идеального. Как было показано выше, переплетение диалектических принципов мышления и центрирование проблем культуры в аспекте знаковости ее природы – важнейшие краски научного «портрета» Лотмана. Подобные характеристики научного творчества Лотмана и Ильенкова качественно соотносимы (диалектика, проблематизация культуры), что позволяет в рамках осуществляемого метатеоретизирования допустить своеобразный диалог идей обоих отечественных ученых, один из вариантов подобной конструируемой нами «беседы» – осмысление природы «идеального», представление «идеального» в культуре – в пространстве ее текстов.

Важнейшими моделями семиозиса текста культуры в семиотике культуры Лотмана выступают «идеальное построение» и «реальный текст», которые не только не тождественны друг другу, но и разноуровневны. Данные модели являются инвариантными в отношении текста культуры как такового, в силу этого «идеальное» и «реальное» достигают уровня необходимой категоризации в границах семиотической традиции. Автор видит основой категориального метатеоретизирования отношения «идеальное – реальное» теоретико-методологическое сближение семиотики культуры Ю. М. Лотмана и диалектики «идеального» Э. В. Ильенкова. Возможность и перспективы данной метатеоретической тактики подтверждены рядом выводов.

Первое. В текстах Лотмана обнаружены три варианта семантизации «идеального»: а) общеметодологический – «идеальное» как результат сознательной абсолютизации,

б) теоретико-лингвистический – «идеальное» – нематериальное, в) методолого-семиотический – «идеальное» как итог реконструкции. Доказано, что в анализе природы отношения «идеальное – реальное» ученый придерживался третьего варианта, что привело к включению «идеальной модели» в границы «реального текста». Именно это заключение закладывает теоретические основы сближения семиотики культуры Ю. М. Лотмана и диалектики «идеального» Э. В. Ильенкова.

Второе. «Скрещивание» теоретических подходов Лотмана и Ильенкова для прояснения природы «идеального» и «реального» оправданно и перспективно, так как работы обоих ученых методологически близки, ибо демонстрируют приверженность диалектическому пониманию истории, культуры, познания. Диалектический ракурс теоретизирований Ильенкова, внимание к проблемам культуры Лотмана не требуют доказательства, в силу этого в статье обоснован, во-первых, диалектический характер научного творчества Лотмана и, во-вторых, внимание Ильенкова к проблеме культуры. А). В пользу тезиса о диалектическом ракурсе исканий Лотмана говорят две группы аргументов (теоретико-методологические, институциональные). Первые фиксируют приверженность ученого повсеместно обнаруживать диалектические отношения, раскрывающие сложный и противоречивый характер культуры. Вторые показывают диалектику как важный принцип становления и развития тартуской семиотики. Б). Концентрация внимания Ильенкова на проблемах культуры осуществлялась в границах анализа истории философских систем (Платон, Гегель, Маркс). Именно в этом контексте мы и обнаружили критическую интерпретацию отношения «идеальное – реальное/действительное», близкую вектору семантизации идеального на страницах сочинений Лотмана.

Все выводы свидетельствуют о том, что намеченный «диалог» семиотики культуры и диалектики «идеального» открывает пространство перспективного категориального метатеоретизирования в отношении искомым номинаций.

Список источников

- Голованов Л. В. Ильенков // *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. С. 202–203.
- Грицанов А. А. Ильенков // *Новейший философский словарь* / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд. В. М. Скакун, 1999. С. 260.
- Демин И. В. Ю. М. Лотман о семиотике интеллигентского дискурса: методологический аспект // *Человек в условиях неопределенности : сборник научных трудов* : в 2 т. / под общ. и науч. ред. Е. В. Бакшутовой, О. В. Юсуповой, Е. Ю. Двойниковой. Самара : Самарский гос. техн. ун-т, 2018. Т. 2. С. 20–23.
- Ильенков Э. В. Гегель // *Большая советская энциклопедия* : в 30 т. Т. 6 / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1971. С. 176–177.
- Ильенков Э. В. Диалектика идеального // *Логос*. 2009. № 1 (69). С. 3–62.
- Ильенков Э. В. Идеальное // *Философская энциклопедия* : в 5 т. Т. 2 / гл. ред. Ф. В. Константинов. М. : Советская энциклопедия, 1962. С. 219–227.
- Ильенков Э. В. Что же такое личность? // *Читая Ильенкова* : сайт. URL: <http://caute.tk/iljenkov/texts/phc/personaa.html> (дата обращения: 16.03.2023).
- Итунина Н. Б. Теоретическое наследие Э. В. Ильенкова: философия культуры // *Творческое наследие Э. В. Ильенкова и современность*. 2021. № 7. С. 36–41.
- Карнап Р. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике / пер. Н. В. Воробьева ; общ. ред. проф. Д. А. Бочвара ; предисл. проф. С. А. Яновской. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 382 с.
- Лекторский В. А. Ильенков // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН, Нац. обществ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет: В. С. Степин [и др.]. М. : Мысль, 2001. С. 95–96.
- Лекторский В. А. Об Эвальде Васильевиче Ильенкове // *Э. В. Ильенков : личность и творчество* / отв. ред. В. А. Лекторский ; ред.-сост. И. П. Фарман. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 7–14. URL: <https://www.studentlibrary.ru/ru/doc/ISBN5785900750->

- SCN0000/-esf2k2z11-tabrel-mode-pgs.html (дата обращения: 15.03.2023). Режим доступа : по подписке.
- Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн : Александра, 1992. 479 с.
- Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 2 : Статьи по истории русской литературы XVII – первой половины XIX века. Таллинн : Александра, 1992. 480 с.
- Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 3 : Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. Таллинн : Александра, 1993. 494, [2] с.
- Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1 : Введение, теория стиха / отв. ред. Б. Егоров. Тарту : Тартуский университет, 1964. 194 с. (Ученые записки Тартуского государственного университета ; вып. 160. Труды по знаковым системам ; 1).
- Межуев М. В. От философии периода «оттепели» к философии периода «застоя» // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 72–82.
- Мотрошилова Н. В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль : междисциплинарный поиск в свете социологии философского познания. М. : Академический проект, 2012. 376 с. (Современная русская философия).
- Пирожкова С. В. Советский марксизм и самосознание отечественной философии // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 11. С. 1039–1049. DOI 10.31857/S086958730002337-8.
- Фаритов В. Т. Идея трансгрессии в семиотической философии Ю. М. Лотмана // Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст : коллект. монография / отв. ред. И. В. Демин. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2018. С. 209–221.
- Шатова Е. Н. Семиотика как методология философско-культурологического знания: тартуско-московская школа // Философия и религиоведение в Ленинградском государственном университете имени А. С. Пушкина : монография / отв. ред. М. Ю. Смирнов. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 90–111.
- Шатова Е. Н. «Труды по знаковым системам» как код тартуской семиотики: становление школы // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23, № 4. С. 147–154. DOI 10.25991/VRHGA.2022.5.4.010.

Информация об авторе

Елена Николаевна Шатова, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии, ГАОУ ВО «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина» (Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия).

Information about the author

Elena N. Shatova, Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Philosophy, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Pushkin, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 27.03.2023.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 24.04.2023.